

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Мацегора Ксения Вениаминовна

аспирант

ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный

университет имени М.В. Ломоносова»

старший научный сотрудник, заведующая отделом

ГБУК «Музейное объединение»

г. Архангельск, Архангельская область

ОЛАУС МАГНУС И ЕГО СЕВЕРНЫЙ КАРТОИД

Аннотация: в данной статье автором рассматривается Морская карта Олауса Магнуса 1539 г. В работе используется описательный, сравнительно-исторический и структурно-типологический методы исследования. Выявлены в результате подобного анализа основные элементы культур, повлиявшие на представление европейцев о северной территории в XVI в.

Ключевые слова: картоид, географическая карта, изобразительный ряд, мифологический сюжет.

Образ территории как единого целого, показанный через символы, знаки, характерные изображения очень ярко читается в географических картах. В современной картографии существует четкая классификация, карты делятся по назначению, масштабу, территории охвата и т.д., от этого зависят и условные обозначения, применимые к данному виду карт. Карты периода Средневековья и эпохи Возрождения не имели четкой классификации, хотя изображение тоже зависело от предназначения и изображаемой территории, но они включали в себя большое количество дополнительной информации, специфических изображений, пояснительных текстов. Они были не только способом передачи географических координат, а являлись попыткой создания возможно наиболее полной картины мира, или геопозитического образа. Карты периода «Великих географи-

ческих открытий», когда человечество искало иные способы передачи получаемых в огромном количестве новых знаний, когда не было разработано единой системы условных обозначений, и картографы, зачастую стихийно и интуитивно разрабатывали свои системы условных знаков. Эти знаки носили сугубо субъективный характер – для обозначения одной и той же территории один картограф мог использовать герб данного государства, другой – сцену битвы или иное историческое событие, или иллюстрированное изображение вымышленных или реальных животных и т.п. Изображаемые территории наделялись хтонической семантикой, причем как водное пространство, так и суша. Таким образом, создавалась целая система условных обозначений, которые иногда становились понятными только при наличии сопровождающего нарративного текста, или легенды. Выбирая тот или иной знак для обозначения какой-либо территории, автор исходил из личностного восприятия изображаемой территории, выбирая наиболее значимое для него символическое обозначение. Если средневековая карта представляла собой в основном арену для развертывания библейских сюжетов, то в эпоху Возрождения карты приобрели более реальные очертания, однако еще не утратили окончательно своей морально-этической функции. Поэтому иногда в качестве обозначающего территорию знака выступают не только реальные персоналии или события, но и мифологические сюжеты, наиболее характерные для данной местности. Поэтому «возрожденческие» карты полифоничны по своей сути. Рассматривая карту с разных точек зрения, четко вырисовываются пространственный, временно, мифологический пласты, которые создают единый полифонический географический образ.

В наши дни, когда географические карты приобрели иные формы и значения, старинные карты могут рассматриваться с точки зрения не только исторической, но и культурологической. И в этой связи к ним больше подойдет определение «географический картоид» (по Родману) или «образно-географической карты» по мнению Замятина, поскольку данная работа не выполняет своей функ-

ции как географическая карта в силу содержащихся на ней неточностей, но является ценным источником исторической, этнографической, художественной и пр. информации [1].

В качестве примера будет рассмотрена карта, которая является ярчайшим примером изображения географической территории при помощи изобразительных образов – «Морская карта» Олауса Магнуса 1539 года.

Включение изображений, сопроводительных и описательных текстов не было новым для картографии того периода, однако вряд ли найдется еще карта с таким ярким изобразительным рядом. Всего полвека до появления Морской карты, в 1482 году, появилась первая печатная карта Скандинавии, основанная на трудах греческого ученого из Александрии Клавдия Птолемея. С открытием труда Птолемея его авторитет являлся непререкаемым, появляется большое количество изданий его Географии. И лишь в 1532 году Якоб Циглер в своей карте буквально «развернул» Скандинавию, которая до того имела ориентацию с запада на восток [4, с. 7–9]. В таких условиях появление каждой новой карты и новых сведений на ней становилось действительно событием, и не случайно Олаус Магнус обращается к географической карте как к виду изображения, способному передать максимальное количество информации. Для изобразительного ряда использовались в основном зарисовки из его дневников [2]. Даже при беглом взгляде поражает не только обилие изображений, а также то, что все они показаны в движении – будь то бегущий олень или леопард, воин или пастух, морской монстр или корабль – движение присутствует в каждом изображении. Таким образом видно, что движение является неотъемлемой чертой изображений, а, соответственно и характеристики территорий. И это не просто движение, а действие, характерное для изображаемого персонажа. Статично изображены лишь сидящие на тронах короли, да и то каждый в своей индивидуальной позе, например, царь «московитов» изображен с поднятым скипетром в правой руке. Движения же всегда конкретно направлены, подчеркивая характер изображаемого персонажа.

И конечно впечатляет большое количество морских монстров, изображенных на карте. Само включение изображений морских монстров на картах эпохи Возрождения было традиционным – здесь уместно вспомнить и карту Исландии Абрахама Ортелия, и карту мира Себастиана Мюнстера и др. Сам феномен изображения морских чудовищ, не смотря на его внешнюю привлекательность, изучен достаточно слабо. На Морской карте морские монстры в большинстве своем имеют названия, автор подробно описывает их внешность, размер, иногда повадки. Монстры на Морской карте представляют интригующую смесь выдумки и информации из книг. У западного края карты можно встретить маленьких морских созданий с рогом, которые возможно происходят из сообщений о нарвалах, но определенно не срисованы с натуры. С другой стороны, на запад от Норвегии показана морская корова, изображение которой происходит из таких источников как бестиарии. На самом севере Норвегии показан монстр, которому Магнус дает название Росмарус, под которым понимается морж – *morsus* или *walrus* – «морское животное, большое как слон, который спит, подвесив свои зубы на скалы, и которое может быть поймано во время этого состояния ступора и сна» [6, с. 465]. На создание этого изображения его вдохновил образ с Морской карты Мартина Вальдземюллера 1516 года, где подобное животное определенно похоже на слона. В изображении Олауса Магнуса хоть и сохранились черты слона, но он уже больше похож на моржа. Также на карте показано большое количество китов. Они все с зубастой пастью, и с двумя трубками, торчащими из головы, из которых бьют фонтаны воды. На одном изображении – моряки перепутали кита с островом, бросили в него якорь и разводят на его спине огонь (прообразом здесь служит карта испанского картографа Mecia de Viladestes). Другое изображение более реалистичное – там показана разделка туши кита, выброшенной на берег, и это изображение взято из легенды к карте того же автора [5, с. 36]. Монстры «населяют» в основном морские территории, и чем дальше от центра, от границ известного и освоенного мира, тем их больше. Можно предположить, что такое «заселение» чудовищами является наследием средневековых карт, где в

центр помещался Иерусалим, а чем дальше от центра, тем больше странных существ – пигмеев и др. А может быть это было попыткой объяснить, что находится за пределами известного мира.

Важным наследием средневековья является попытка нахождения рая и ада, причем картографы того периода показывают их явно существующими на земле, на Севере. Не случайно выбрано местоположение – Север был для путешественников неизведанной территорией, таящей множество опасностей, в то же самое время Север был и «землей обетованной». Олаус Магнус, изображая вулканы Исландии, под одним из них делает надпись «Хаос», чем связывает извержения огненной лавы с потусторонними темными силами. Одно из изображений на карте напоминает легенду о святом Брендане, который отправился на поиски «острова счастья» – то есть на поиски Рая. И искал он его на севере Атлантики. Во время своего путешествия святой Брендан остановился у одного из островов, моряки бросили якорь, но это оказался страшный морской монстр [4, с. 12]. Схожее изображение присутствует на карте. Вполне возможно, что показ легенды о святом Брендане является намеком на безуспешность попыток поиска Рая на северных территориях.

Явно прослеживается и наследие Греческой мифологии. На севере Европы изображен водоворот Caribdis. И недалеко от него – морской монстр. Подобный «дуэт» встречается многих картах Севера того периода – на картах Абрахама Ортелия, Герарда Меркатора. Даже на карте Виллема Баренца водоворот Caribdis присутствует. Напоминание о легенде, рассказывающей о Сцилле и Харибде, только картографы эпохи Возрождения помещают их на Север.

Сакральный мир местного населения также был привлекателен для ученого. Он показывает и языческий свадебный обряд, и «трех богов древней языческой Латвии перед святым крещением. И это – огонь, необходимый для каждого жертвоприношения, леса, потому что это трон для богов, и змея, бог семей» [6, с. 467]. И хотя он был убежденным католиком, и, как он сам писал, хотел показать, сколько земель потеряно для католической церкви, в показанных сценах не чувствуется конфликта.

При первом взгляде кажется, что в карте нет систематизации, все изображения хаотично разбросаны и тематически никак не связаны между собой. Однако выбирая знак для обозначения определенной местности, Олаус Магнус показал наиболее характерный элемент культуры народа, проживающего на данной территории, и все это находится не только во взаимосвязи, но и во взаимозависимости с окружающим ландшафтом. «Этническая идея каждого народа нуждается для своего свершения (воплощения) в собственной особой географии, в исключительно ей одной присущем и про-мыслительно предначертанном природно-ландшафтном локусе» [3, с. 44]. Это геософское освещение Севера породило множество споров, неразрешенных вопросов. К карте Олауса Магнуса применимо выражение Николая Кузанского о том, что «картограф сравним с Богом. Бог создал мир, а картограф создает образ этого мира» [5, с. 6]. Переплетаясь и дополняя друг друга, изображения выстраиваются на карте в разнообразный, пестрый, но все-таки единый и целостный образ – образ Севера Европы 16 века.

Список литературы

1. Родоман Б.Б. Научные географические картоиды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.geo-vestnik.psu.ru/files/vest/203_rodoman.pdf
2. Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История Северных народов». – Л.: Наука, Ленинградское отд., 1983.
3. Терехин Н.М. Метафизика Севера: монография. Поморский университет. – Архангельск, 2004.
4. Benedicte Gamborg Briså. Northward bound at the far edge of the world. Finnmark, 2010.
5. Chet Van Duzer. Sea Monsters on Medieval and Renaissance Maps. The British Library, 2013.
6. William B. Ginsberg. Printed Maps of Scandinavia and the Arctic, 1482–1601. Septentrionalium press, New York, 2006.